

Алексей Апухтин

Стихотворения

Алексей Апухтин
Стихотворения

«Public Domain»

1887

Апухтин А. Н.

Стихотворения / А. Н. Апухтин — «Public Domain», 1887

ISBN 978-5-457-13776-9

«Распятый на кресте нечистыми руками, Меж двух разбойников Сын божий умирал. Кругом мучители нестройными толпами, У ног рыдала мать; девятый час настал: Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю. И гром гремел, и, гласу гнева внемля, Евреи в страхе пали ниц... И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц, И мертвые, восстав, явились живыми...»

ISBN 978-5-457-13776-9

© Апухтин А. Н., 1887

© Public Domain, 1887

Содержание

Стихотворения	5
Песня	5
Цветок	6
Два поэта	7
«Ты спишь, дитя, а я встаю...»	8
Тоска	9
Скажи, зачем?..	10
Первый снег	11
Зимой	13
Подражание арабскому	14
Голгофа	16
Ночью	17
Уженье	18
Вечер	19
Облака	20
Близость осени	21
Отъезд	22
Сиротка	23
Няня	25
Шарманщик	27
Петербургская ночь	28
Деревенский вечер	30
Апрельские мечты	32
Ожидание грозы	33
«Еду я ночью. Темно и угрюмо...»	34
Осенняя примета	35
Пловцы	36
В альбом	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Николаевич Апухтин

Стихотворения

Стихотворения

Песня

Ах! Зачем тебя,
Полевой цветок,
Житель вольных мест,
С поля сорвали,
В душной комнате
Напоказ людям
Тебя бросили?
Не пахнёт в тебя
Запах сладостный
Золотой весны,
Не увидишь ты
Солнца летнего,
И не будешь ты
С дрожью радости
Слушать осени
Бурю грозную...
День пройдет, другой...
Где краса твоя?
Смотришь – за окном
Уж былиночка.

3 мая 1854

Санкт-Петербург

Цветок

Река бежит, река шумит,
Гордясь волною серебристой,
И над волной, блестя красой,
Плывет цветок душистый.
«Зачем, цветок, тебя увлек
Поток волны красою?
Взгляни, уж мгла везде легла
Над пышною рекою;
Вот и луна, осенена
Таинственным мерцаньем,
Над бездной вод средь звезд плывет
С трепещущим сияньем...
Прогонит день ночную тень,
От сна воспрянут люди,
И станет мать детей ласкать
У жаркой, сонной груди,
И божий мир, как счастья пир,
Предстанет пред тобою...
А ты летишь и не томишь
Себя кручиной злою,
Что, может быть, тебе уж жить
Недолго остается
И что с волной цветок иной
Беспечен понесется!»
Река шумит и быстро мчит
Цветок наш за собою,
И, как во сне, припав к волне,
Он плачет над волною.

29 июня 1854

Павлодар

Два поэта

Блажен, блажен поэт, который цепи света
На прелесть дум и чувств свободных не менял:
Ему высокое название поэта
Дарит толпа с венком восторженных похвал.
И золото бежит к избраннику фортуны
За гимн невежеству, порокам и страстям.
Но холодно звучат тогда поэта струны,
Над жертвою его нечистый фимиами...
И, насладившись богатством и чинами,
Заснет он наконец навеки средь могил,
И слава кончится похвальными стихами
Того, кто сам толпу бессмысленно хвалил.

Но если он поймет свое предназначенье,
И станет с лирою он мыслить и страдать,
И дивной силою святого вдохновенья
Порок смеющийся стихом начнет карать, —
То пусть не ждет себе сердечного привета
Толпы бессмысленной, холодной и глухой...
И горько потечет земная жизнь поэта,
Но не погаснет огонь в курильнице святой.
Умрет... И кое-где проснутся сожаленья...
Но только внук, греха не видя за собой,
Смеясь над предками, с улыбкою презренья,
Почтит могучий стих холодной похвалой...

Июль 1854

Павлодар

«Ты спишь, дитя, а я встаю...»

Ты спишь, дитя, а я встаю,
Чтоб слезы лить в немой печали,
Но на твоём лице оставить не дерзали
Страдания печать ужасную свою.
По-прежнему улыбка молодая
Цветет на розовых устах,
И детский смех, мой ропот прерывая,
Нередко слышится в давно глухих стенах!
Полураскрыты глазки голубые,
Плечо и грудь обнажены,
И наподобие волны
Играют кудри золотые...
О, если бы ты знал, младенец милый мой,
С какой тоскою сердце бьется,
Когда к моей груди прильнешь ты головой
И звонкий поцелуй щеки моей коснется!
Воспоминанья давят грудь...
Как нежно обнимал отец тебя порою!
И верь, уж год как нет его с тобою.
Ах, если б вместе с ним в гробу и мне заснуть!..
Заснуть?... А ты, ребенок милый,
Как в мире жить ты будешь без меня?
Нет, нет! Я не хочу безвременной могилы:
Пусть буду мучиться, страдать!.. Но для тебя!
И не понять тебе моих страданий,
Еще ты жизни не видал,
Не видел горьких испытаний
И мимолетной радости не знал.
Когда ж, значения слезы не понимая,
В моих глазах ее заметишь ты,
Склоняется ко мне головка молодая,
И предо мной встают знакомые черты...
Спи, ангел, спи, неведеньем счастливый
Всех радостей и горестей земных:
Сон беспокойный, нечестивый
Да не коснется вежд твоих,
Но божий ангел светозарный
К тебе с небес да низойдет
И гимн молитвы благодарной
К престолу божью наутро отнесет.

5 сентября 1854

Санкт-Петербург

Тоска

Вижу ли ночи светило приветное
Или денницы прекрасной блистание,
В сердце ласкаю мечту безответную,
Грустную думу земного страдания...

Пусть бы сошла к нам уж ночь та угрюмая
Или бы солнце на небе сокрылося,
Ропот сердечный унял бы я, думая:
Так что и счастье мое закатилося...

Так же, как мир ночью мрачной, безмолвною,
Сердце оделось черною тучею,
Но, как назло мне, величия полные,
Шепчутся звезды с волною кипучею...

Невыразимая, невыносимая
Давит тоска мою душу пустынную...
Где же ты, прелесть мечтаний любимая?
Люди сгубили тебя, неповинную.

Завистью черной, насмешкой жестокою
Ожесточили они сердце нежное
И растерзали навек одинокую
Душу страдальца рукою небрежною.

10 сентября 1854

Скажи, зачем?..

Скажи, певец, когда порою
Стоишь над тихою Невою
Ты ясным вечером, когда
Глядят лучи светила золотые
В последний раз на воды голубые,
Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?

Певец! Когда час ночи мирный
Слетает с высоты эфирной
Сменить тяжелый день труда
И блещет небо яркими звездами,
Не вдохновен высокими мечтами

А вот и празднует столица:
Народ по стогнам веселится,
Везде гудят колокола...
А в храмах Бога тихое моление,
И певчих глас, и ладана куренье...

Не оттого ль, что эти звуки
В тебе пробудят сердца муки,
Как радость в прежние года,
Что, может быть, природы увяданье
Милей, чем блеск, души твоей страданью, —
Не оттого ль безмолвствуешь тогда?

20 ноября 1854

Первый снег

О снега первого нежданное явление,
Приветствую тебя в моем уединенье!
Уединенье? Да! Среди толпы людей
Я так же одинок, как ландыш, из полей
Родных отторженный суровою рукою;
Среди прекрасных роз поник он головою,
И в рощу мирную из мраморных палат
Его желания свободные летят.
Приветствую тебя! Неведомою силой
Ты в смутной памяти бывшее оживило,
Мечтанья прошлых дней той юности златой,
Как утро зимнее, прекрасной и живой!
Картин знакомый ряд встает передо мною:
Я вижу небеса, подернутые мглою,
И скатерть снежную на сглаженных полях,
И крыши белые, и иней на дровах;
Вдали чернеет лес. С сиянием Авроры
По окнам разослал мороз свои узоры;
Там, за деревьями, роскошно и светло
Блестит замерзлых вод прозрачное стекло;
Там курится дымок над кровлями овинов...
В соседней комнате я слышу треск каминов,
К ним истопник бредет и шум своих шагов
Разносит за собой с тяжелой ношей дров.
С какою радостью живой, нелицемерной,
Бывало, я встречал тебя, предвестник верный
Зимы... Как я любил и сон ее снегов,
И длинную семью прекрасных вечеров!
Как часто, вокруг стола собравшись семьею,
Мы проводили их в беседах меж собою,
И ласки нежные иль звонкий смех порой
Сменяли чтение обычной чередой.
Я помню длинный зал, вечернею порою
Его перебежал я детскою стопою,
И часто пред окном, как будто бы сквозь сон,
Я становился вдруг, испуган, поражен,
А прелесть дивная морозной, зимней ночи
Манила и звала встревоженные очи...
Светила чудные сияли в вышине
И, улыбаяся, смотрели в душу мне;
Чистейшим серебром поля вдали сияли,
Леса пустынные недвижимо стояли;
Всё спало... Лишь мороз под окнами трещал...
И жутко было мне, и к няне я бежал.
Я помню комнатку... Пред образом горела

Лампада тусклая; старушка там сидела...
И сладок был мне звук ее речей простых,
Любовью дышащих... Увы! не слышу их
Среди надутых фраз да слов бездушных ныне:
Уж третью зиму я встречаю на чужбине,
Далеко от нее, от родины святой,
Не с шумной радостью, но с хладною тоской,
И сердце сжалось... но в холоде страданий
Ты возбудил во мне толпу воспоминаний,
Ты годы юности внезапно оживил,
И я тебя в душе за то благословил...
О, взвейся, легкий снег, над родиною, дальней!
Чтоб поселянин мог, природы сын печальный,
Скорей плоды трудов по зимнему пути
За плату скудную в продажу отвезти!

11 октября 1854

Зимой

Зима. Пахну́л в лицо мне воздух чистый...
Уж сумерки повисли над землей,
Трещит мороз, и пылью серебристой
Ложится снег на гладкой мостовой.
Порой фонарь огнистой полосой
Мелькнет... Да звон на небе прогудит...
Неугомонною толпою
Народ по улицам спешит.

И грустно мне!
И мысль моя далеко,
И вижу я отчизны край родной:
Угрюмый лес задумался глубоко,
И звезды мирно шепчутся с землей,
Лучи луны на инее трепещут,
И мерзлый пар летает от земли,
А в окнах светятся и блещут
Гостеприимные огни.

*6 января 1855
Санкт-Петербург*

Подражание арабскому

В Аравии знойной поныне живет
Усопшего Межде счастливый народ,
И мудры их старцы, и жены прекрасны,
И юношей сонмы гяурам ужасны,
Но как затмеваются звезды луной,
Так всех затмевал их Набек молодой.

Прекрасен он был, и могуч, и богат.
В степях Аравийских верблюдов и стад
Имел он в избытке, отраду Востока,
Но краше всех благ и даров от пророка
Его кобылица гнедая была —
Из пламени ада литая стрела.

Чтоб ей удивляться, из западных стран
К нему притекали толпы мусульман,
Язычник и рыцарь в железе и стали.
Поэты ей сладкие песни слагали,
И славный певец аравийских могил
Набеку такие слова говорил:

«Ты, солнца светлейший, богат не один,
Таких же, как ты, я богатств властелин;
От выси Синая до стен Абушера
Победой прославлено имя Дагера.
И, море святое увидя со скал,
На лиру певца я меч променял.

И вот я узрел кобылицу твою.
Я к ней пристрастился... и, раб твой, молю —
Отдай мне ее и минуты покою,
На что мне богатства? Они пред тобою...
Возьми их себе и владей ими век!»
Молчаньем суровым ответил Набек.

Вот едет Набек по равнинам пустынь
Аравии знойной... И видит — пред ним
Склоняется старец в одежде убогой:
«Аллах тебе в помощь и милость от Бога,
Набек милосердный». — «Ты знаешь меня?»
— «Твоей не узнать кобылицы нельзя».

«Ты беден?» — «Богатство меня не манит,
А голод терзает, и жажда томит
В пустыне бесследной, три дня и три ночи

Не ведали сна утомленные очи,
Из этой пустыни исторгни меня». —
И слышит: «Садися ко мне на коня».

«И рад бы, о путник, да сил уже нет, —
Был дряхлого нищего слабый ответ. —
Но ты мне поможешь, во имя пророка!»
Слезает Набек во мгновение ока,
И нищий, поддержан могучей рукой,
Свободен, сидит уж на шее крутой.

И старца внезапно меняется вид,
Он с юной отвагой коня горячит.
И конь, распустивши широкую гриву,
В пустыне понесся, веселый, игривый;
Блеснули на солнце, исчезли в пыли!
Лишь имя Дагера звучало вдали!

Набек, пораженный как громом, стоит,
Не видит, не слышит и, мрачен, молчит,
Везде пред очами его кобылица,
А солнце пустыню палит без границы,
А весь он осыпан песком золотым,
А груды червонцев лежат перед ним.

3 февраля 1855
Санкт-Петербург

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли – и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запусении богатого обитель,
И в прахе идола, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

17 апреля 1855

Ночью

Веет воздух чистый
Из туманной дали,
Нитью серебристой
Звезды засверкали,
Головой сосновой
Лес благоухает,
Ярко месяц новый
Над прудом сияет.
Спят среди покоя
Голубые воды,
Утомясь от зноя
В забытье природы.
Не колыхнет колос,
Лист не шевельнется,
Заунывный голос
Песни не прольется.

*18 июня 1855
Павлодар*

Уженье

Над водою склонялися липы густые,
Отражались в воде небеса голубые,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В величавой красе колебала река.

И так тихо кругом... Обаяния полны,
С берегами крутыми шепталися волны,
Говорливо журча... И меж них, одиноко,
Под лучами заката блесстел поплавок.

Вот он дрогнул слегка, и опять предо мною
Неподвижно и прямо стоит над водою,
Вот опять в глубину неведимо скользит
Под немолчный и радостный смех нереид.

А в душе пролетает за думою дума...
О, как сладко вдали от житейского шума
Предаваться мечтам, их лелеять душой
И, природу любя, жить с ней жизнью одной.

Я мечтаю о многом, о детстве счастливом,
И вдруг вижу себя я ребенком игривым,
И, как прежде бывало, уж мыслию я
Обегаю дубравы, сады и поля.

Я мечтаю о том, когда слово науки
Заменило природы мне сладкие звуки...
И о многом, о чем так отрадно мечтать
И чего невозможно в словах рассказать.

А всё тихо кругом... Обаяния полны,
С крутизнами зелеными шепчутся волны,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В красоте величавой колеблет река.

*29 июня 1855
Павлодар*

Вечер

Окно отворено... Последний луч заката
Потух... Широкий путь лежит передо мной;
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада...
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце, полное сомненья, гонит прочь...
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

Облака

Н. П. Барышникову

Сверкает солнце жгучее,
В саду ни ветерка,
А по небу летучие
Проходят облака.
Я в час полудня знойного,
В томящий мертвый час
Волненья беспокойного
Люблю смотреть на вас.
Но в зное те ж холодные,
Без цели и следа,
Несетесь вы, свободные,
Неведомо куда.
Всё небо облетаете...
То хмуритесь порой,
То весело играете
На тверди голубой.
А в вечера росистые,
Когда, с закатом дня
Лилово-золотистые,
Глядите на меня!
Вы, цепью изумрудною
Носяся в вышине,
Какие думы чудные
Нашептывали мне!..
А ночью при сиянии
Чарующей луны
Стоите в обаянии,
Кругом озарены.
Когда всё, сном объятые,
Попряталось в тени,
Вы, светлые, крылатые,
Мелькаете одни!

3 августа 1855

Павлодар

Близость осени

Еще осенние туманы
Не скрыли рощи златотканой;
Еще и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада, —

Но листья желтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пестрая земля;
Куда ни кинешь взор пытливый —
Встречает высохшие нивы
И обнаженные поля.

И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной...
Всё как-то пасмурно молчит —
Лишь бьется маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

14 августа 1855

Отъезд

Осенний ветер так уныло
В полях свистал,
Когда края отчизны милой
Я покидал.

Смотрели грустно сосны, ели
И небеса.
И как-то пасмурно шумели
Кругом леса.

И застилал туман чужую
Черту земли,
И кони на гору крутую
Едва везли.

26 августа 1855
Орел

Сиротка

На могиле твоей, ох родная моя,
Напролет всю ту ночь проплакала я.
И вот нынче в потемках опять,
Как в избе улеглись и на небе звезда
Загорелась, бегом я бежала сюда,
Чтоб меня не могли удержать.

Здесь, родная, частенько я вижусь с тобой,
И отсюда теперь (пусть приходят за мной!)
Ни за что не пойду... Для чего?
Я лежу в колыбельке... Так сладко над ней
Чей-то голос поет, что и сам соловей
Не напомним мне звуков его.

И родная так тихо ласкает меня...
Раз заснула она среди белого дня...
И чужие стояли кругом, —
На меня с сожаленьем смотрели они,
А когда меня к ней на руках поднесли,
Я рыдала, не зная о чем.

И одели ее, и сюда привезли.
И запели протяжно и глухо дьячки:
«Со святыми ее упокой!»
Я прижалась от страха... Не смела взглянуть...
И зарыли в могилу ее... И на грудь
Положили ей камень большой.

И потом воротились... С тех пор веселей
Уж никто не певал над постелью моей, —
Одинокой осталась я.
А что после, не помню... Нет, помню: в избе
Жил какой-то старик... Горевал о тебе,
Да бивал понапрасну меня.

Но потом и его уж не стало... Тогда
Я сироткой бездомной была названа, —
Я живу у чужих на беду:
И ругают меня, и в осенние дни,
Как на печках лежат и толкуют они,
За гусями я в поле иду.

Ох, родная! Могила твоя холодна...
Но людского участия теплее она —
Здесь могу я свободно дышать,

Здесь не люди стоят, а деревья одни,
И с усмешкою злой не смеются они,
Как начну о тебе тосковать.

Сиротою не будут гнушаться, как те,
Нет! Они будто стонут в ночной темноте...
Всё кругом будто плачет со мной:
И так пасмурно туча на небе висит,
И так жалобно ветер листьями шумит
Да поет мне про песни родной.

1 октября 1855

Няня

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.
Как найдет кручина злая,
Не отплачешься от ней.
Посмотри-ка, я лампадку
Пред иконою зажгла,
Оглянись: в углу кроватка
И богата и светла.

Оглянись же: перед нами
Сладко спит младенец твой
С темно-синими глазами,
С светло-русой головой.
Не боится темной ночи:
Безмятежен сон его;
Смотрят ангельские очи
Прямо с неба на него.

Вот когда с него была ты,
От родимого села
В барский дом из дымной хаты
Я кормилицей вошла.
Всё на свете я забыла!
Изо всех одну любя,
И ласкала, и кормила,
И голубила тебя.

Подросла, моя родная...
С чистой, пламенной душой,
А красавица такая,
Что и не было другой.
Ни кручины, ни печали —
Как ребенок весела...
Женихи к тебе езжали:
За богатого пошла.

С тех-то пор веселья дума
И на ум к тебе нейдет;
Целый день сидишь угрюмо,
Ночи плачешь напролет.
Дорогая, золотая,
Не кручинься, не жалеи...

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

Глянь, как теплится лампадка
Пред иконой, посмотри,
Как наш ангел дремлет сладко
От зари и до зари.
Над постелькою рыдая,
Сна младенца не разбей...
Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

13 ноября 1855

Шарманщик

Темно и пасмурно... По улице пустой
Шарманщик, сторбленный под гнетом тяжелой ноши,
Едва-едва бредет с поникшей головой...
И тонут, и скользят в грязи его калоши...
Кругом так скучно: серый небосклон,
Дома, покрытые туманной пеленою...
И песней жалобной, младенчески-простою
Шарманщик в забытье невольно погружен.
О чем он думает с улыбкою печальной?
Он видит, может быть, края отчизны дальней,
И солнце жгучее, и тишь своих морей,
И небо синее Италии своей...
Он видит вечный Рим. Там в рубище торговка
Сидит на площади, печальна и бледна;
Склонилась на грудь кудрявая головка,
Усталости томительной полна...
С ней рядом девочка... На Север, одиноки,
И день и ночь они глядят
И ждут его, шарманщика, назад
С мешками золота и с почестью высокой...
Природу чудную он видит: перед ним,
Лучами вешними взлелеян и храним,
Цветет зеленый мирт и желтый померанец...
Ветвями длинными сплелися кущи роз...
Под тихий говор сладких грез
Забылся бедный чужестранец!
Он видит уж себя среди своих полей...
Он слышит ласковых речей
Давно не слышанные звуки...
О нет, не их он слышит...
Крик босых ребят
Преследует шарманщика; горят
Окостеневшие и трепетные руки...
И мочит дождь его, и холодно ему,
И весь он изнемог под гнетом тяжелой ноши,
И, как назло владельцу своему,
И тонут, и скользят в грязи его калоши.

.

*26 ноября 1855
Санкт-Петербург*

Петербургская ночь

Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей.
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей.
Точно волшебством каким-то объятый,
Воздух недвижим ночной...

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчанье
И хороша и светла, —
Ты затаил в себе много страданья,
Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят —
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат.

В пышном чертоге, облитые светом,
Залы огнями горят.
Вот и невеста: роскошным букетом
Скрашен небрежный наряд,
Кудри волнами бегут золотые...
С ней поседелый жених.
Как-то неловко глядят молодые,
Холодом веет от них.

Плачет несчастная жертва расчета,
Плачет... Но как же ей быть?
Надо долги попечителя-мота
Этим замужеством покрыть...
В грустном раздумье стоит, замирая,
Темных предчувствий полна...
Ей не на радость ты, ночь золотая!
Небо, и свет, и луна
Ей напевают печальные чувства...

Зимнего снега бледней,
Мается труженик бедный искусства
В комнатке грязной своей.
Болен, бедняк, исказило мученье

Юности светлой черты.
Он, не питая свое вдохновенье,
Не согревая мечты,
Смотрит на небо в волнении жадном,
Ищет луны золотой...
Нет! Он прощается с сном безотрадным,
С жизнью своей молодой.

Всё околдовано, всё онемело!
А в переулке глухом,
Снегом скрипя, пробирается смело
Рослый мужик с топором.
Грозен и зол его вид одичалый...
Он притаился и ждет:
Вот на пирушке ночной запоздалый
Мимо пройдет пешеход...
Он не на деньги блестящие жаден,
Не на богатство, – как зверь,
Голоден он и, как зверь, беспощаден...
Что ему люди теперь?
Он не послушает их увещаний,
Не побоится угроз...

Боже мой! Сколько незримых страданий!
Сколько невидимых слез!
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей;
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей;
Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.

13 января 1856

Деревенский вечер

Зимний воздух сжат дремотой...
В темной зале всё молчит;
За обычную работой
Няня старая сидит.
Вот зевнула, засыпает,
Что-то под нос бормоча...
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабывшее дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но – с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.
Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины...
И глаза его большие
На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели искрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких
Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жмется и дрожит...
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то под нос бормоча...
И едва-едва мерцает
Нагоревшая свеча...

26 февраля 1856

Апрельские мечты

О. П. Есиновой

Хотя рассыпчатый и с грязью пополам
Лежит пластами снег на улице сонливой,
Хотя и холодно бывает по утрам
И ветра слышатся стесненные порывы,

Но небо синее, прозрачное, без туч,
Но проникающей, крепительной струей
И свежий пар земли, но редкий солнца луч,
Сквозящий трепетно в час полдня над землею, —

Всё сладко шепчет мне: «На родине твоей
Уже давно весны повеяло дыханье,
Там груди дышится просторней и вольней,
Там ближе чувствуешь природы прозябанье,

Там отсыревшая и рыхлая земля
Уж черной полосой мелькает в синей дали...
Из сохнувших лесов чрез ровные поля
Потоки снежные давно перебежали.

И сад, где весело ребенком бегал ты,
Такой же прелестью былого детства веет:
В нем всё под сладостным дыханьем теплоты
Стремительно растет, цветет и зеленеет».

Апрель 1856

Санкт-Петербург

Ожидание грозы

Н. Д. Карпову

Ночь близка... На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.

Тьмой и сном объаты воды...
Душен воздух... Вечер длится...
В этом отдыхе природы
Что-то грозное таится.

Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее.

Дождь закапает над нами
И, собираясь понемногу,
Хлынет мутными ручьями
На пылящую дорогу.

Неба пасмурные своды
Ярким светом озарятся:
Забушуют эти воды,
Блеском неба загорятся,

И, пока с краев до края
Будут пламенем объаты,
Загудят, не умолкая,
Грома тяжкие раскаты.

16 июля 1856

«Еду я ночью. Темно и угрюмо...»

Еду я ночью. Темно и угрюмо
Стелется поле кругом.
Скучно! Дремлю я. Тяжелые думы
Кроются в сердце моем.

Вижу я чудные очи... Тоскою
Очи исполнены те,
Ласково манят куда-то с собою,
Ярко горят в темноте.

Но на приветливый зов не спешу я...
Мысль меня злая гнетет:
Вот я приеду; на небе, ликуя,
Красное солнце взойдет,

А незакатные чудные очи,
Полные сил и огня,
Станут тускнеть... И суровее ночи
Будут они для меня.

Сердце опять мне взволнует страданья,
Трепет, смущение, страх;
Тихое слово любви и признанья
С воплем замрет на устах.

И, безотрадно чуя несчастье,
Поздно пойму я тогда,
Что не подметить мне искры участия
В этих очах никогда,

Что не напрасно ль в ночи безрассветной
Ехал я... в снах золотых,
Жаждал их взора, улыбки приветной,
Молча любясь на них?

7 августа 1856
Павлодар

Осенняя примета

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса,
Отцветающего лета
Равнодушная краса;
Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов,
В час заката – блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалика,
Дома – скука, в сердце – горе,
Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:
Вы мне близки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей...
Увядай, мой сад пустынный,
Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

Пловцы

Сотрудникам «Училищного вестника»

Друзья, неведомым путем
На бой с невежеством, со злом
И с торжествующею ленью
Мы плыли. Ночь была темна,
За тучи пряталась луна,
Гроза ревела в отдаленье.

И мы внимали ей вдали,
Дружнее прежнего гребли;
Уж берег виделся в тумане...
Но вихорь смял наш бедный челн,
И он помчался между волн,
Как падший витязь, жажда брани.

И под покровом той же тьмы
Нас мчал назад. Очнулись мы
На берегу своем печальном.
А берег милый, хоть чужой,
Как путеводною звездой
Сиял на горизонте дальнем.

И мы воспрянули душой...
И снова нас зовет на бой
Стремленье к истине свободной.
Так что ж! Пускай опять, друзья,
Помчит нас по морю ладья,
Горя отвагой благородной!

Знакомый путь не страшен нам:
Мы выйдем на берег, а там
Доспехи битв не нужны боле:
Там воля крепкая нужна,
Чтоб бросить чести семена
На невозделанное поле.

И верьте, нам не долго ждать:
Мы поплывем туда опять,
На берегу нас солнце встретит;
Придет желанная пора
И жатву пышную добра
Оно с любовью осветит.

3 октября 1856

В альбом

В воспоминанье о поэте
Мне для стихов листочки эти
Подарены в былые дни;
Но бредом юным и невинным
Доныне в тлении пустынном
Не наполняются они.

Так перед Вами в умиление
Я сердце, чуждое сомненья,
Навек доверчиво открыл;
Вы б только призраком участия
Могли исполнить бредом счастья
Его волнующийся пыл.

Вы не хотели... Грустно тлея,
Оно то билось слабее,
То, задрожав, пылало вновь...
О, переполните ж сторицей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.